

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА БЫТИЙНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

О.А. Федоренко, Д.Р. Халикова

В статье рассматриваются общие принципы лингвистического анализа бытийных предложений. Проанализированы научные обоснования интерпретации категории экзистенциальности со стороны языковой практики в широком и узком понимании. На основе проведенного исследования, авторами сделан вывод о необходимости дальнейшего лингвистического исследования бытийных предложений с опорой на логический, философский аспекты изучения проблемы.

Ключевые слова: бытийные предложения, экзистенциальность, посессивность, пространство, время, категория, обладание, пространственная локализация, семантический анализ, предикат.

В современной лингвистике высказывается предположение о том, что общие принципы лингвистического анализа бытийных предложений можно рассматривать в широком и узком понимании поля экзистенциальности.

Так, например, Н.Д. Арутюнова исходит из того, что бытийные предложения ориентированы, прежде всего, на пространственную ось мира. В своей первичной функции они утверждают существование предмета. Что касается логического анализа бытийных предложений, Н.Д. Арутюнова указывает, что в логике обсуждаются утверждения о существовании в мире объектов, обладающих определенными свойствами. Такие утверждения соединяют концепт и реальную действительность. Они направлены от понятия к миру, от идеи к предмету. Далее следует, что в экзистенциальном высказывании (утверждении о существовании) заранее данным считается некоторый комплекс признаков, а суждение касается реализованности этих признаков в субстанции [5, с. 737]. Н.Д. Арутюнова видит в экзистенциальном предложении аналог суждения, в котором субъектом можно признать мир или некоторый его фрагмент (обстоятельство места, времени), а предикат видит в указании на наличие в мире объекта или объектов определенного класса, то есть в совокупности бытийного глагола и имени. Имя в бытийном предложении лишено референтности, не является знаком заместителя конкретного предмета. По мнению автора, бытийные предложения характеризуются скользящим коммуникативным фокусом, который

может падать в них на показатель бытия, на имя бытующего предмета, на «область бытия», на качественные и количественные определения имени бытующего предмета [5, с. 753].

Вопрос о наличии у бытийности таксономически релевантных характеристик заслуживает специального исследования. Так, О.Н. Селиверстова в книге «Контрастивная синтаксическая семантика: (Опыт описания)» акцентирует внимание на возможность интерпретации так называемых экзистенциальных единиц через понятия «локализации» и «посессивности» в пространстве и/ или времени [15].

Термин «экзистенциальный», отмечает О.Н. Селиверстова в другой своей работе «Компонентный анализ многозначных слов», не имеет четкого определения и употребляется в нескольких смыслах. Часто он истолковывается через логический квантор существования, который, однако, в логике не определен однозначно, сам иногда интерпретируется через языковые единицы и для определения которых используется в лингвистике (например, через конструкцию «there is», глагол to exist и т.д.). Несмотря на отсутствие четкого определения понятия экзистенциальности в большинстве работ это понятие отождествляется в явной или неявной форме с представлением о принадлежности к элементам действительности, а не фикции, мифа, фантазии.

Наряду с этим автор рассматривает и другое понимание признака существования: в лингвистике высказывается предположение о том, что экзистенциальные конструкции типа английской синтаксической модели «there (to be)» указывают на нахождение объекта в пространстве и отличаются от локативных конструкций эмфатическим положением глагола в предложении.

О.Н. Селиверстова полагает, что информация о нахождении объекта в пространстве может быть задана в системе координат данного пространства. Далее автор отмечает, что при истолковании понятия «существование» объект удобно рассматривать в виде графической точки, что позволяет отделить рассматриваемые случаи от информации о положении объекта, передаваемой через глаголы *лежать, сидеть, стоять* [14, с. 35]. Термин «пространство» О.Н. Селиверстова употребляет в широком смысле и относит его не только к физическому пространству, но и к пространству множества, пространству ситуаций, пространству функциональной системы типа «завод», «институт» и т.д.

О.Н. Селиверстова акцентирует внимание на обоснованности пространственной трактовки основных типов экзистенциальных предложений, которая представлена и в других работах известных лингвистов. Совпадение «видения» фундаментальной категории бытия в языках не может рассматриваться как исходно предопределенное [14].

Понятие существования в той форме, в которой оно отображено в языках, неоднородно. Главное значение существования, по мнению О.Н. Селиверстовой, отображает представление о «нахождении» в мире действительности или, напротив, в мире вымысла, сказки, фантазии.

Пространственная трактовка существования, которая включает представления о разных формах существования (в том числе и в иллюзорном мире), в большей степени соответствует значению языковых единиц, точнее отражая, таким образом, картину мира, созданную языком.

В узком смысле пространство выполняет следующую функцию – помещать в себя что-то, включать в себя что-то. Таким образом, понятие «пространство», отображенное в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие. Выделение признака «быть действительным, быть в действительности» обусловлено тем, что информация о нахождении объекта в том или ином конкретном физическом пространстве предполагает существование объекта.

В лингвистике существует мнение, в соответствии с которым экзистенциальные высказывания отличаются от локативных только по коммуникативной структуре высказывания: экзистенциальные предложения сообщают о наличии объекта в пространстве, а локативные – о том, где находится объект [21].

К классу экзистенциальных относят глаголы *быть*, *существовать*, а также *происходить*, *случаться*, *иметь место*, которые употребляются обычно при именах, обозначающих события. О событиях принято говорить, что они существуют во времени, а предметы – в пространстве. Предметы и события представлены во многих языках как существующие и во времени, и в пространстве. Однако связь событий со временем более тесная, более непосредственная. О предметах можно сказать, что они существуют в некотором пространстве в определенный момент или период времени. Напротив, события существуют во времени, которое само принадлежит некоторому пространству. Тесная связь событий со временем определяется формой их существования. События представлены в языке как состоящие из набора сменяющих друг друга фаз: каждая фаза появляется и исчезает вместе с соответствующим моментом времени. Таким образом, события «локализованы» во времени, то есть их фазы распределены по временному отрезку и сменяют друг друга при его протекании. Именно на такую форму существования указывают глаголы *происходить*, *случаться*. Например: *Взрыв произошел вчера в 6.30* (на временной оси есть точка, которую занимает описываемое событие, и в рамках этой точки реализовывалось «протекание» события). Глагол *существовать* не акцентирует внимания на форме существования событий во времени, он не связан с конкретным моментом времени внутри заданного периода [21, 15].

Время представляет собой принципиально иную категорию по сравнению с пространством, однако, в определенных условиях оно может выступать в функции пространства. Так, временной отрезок является пространством по отношению к отдельным точкам этого отрезка. Кроме того, событие, распределенное по временному отрезку (например, жизнь того или иного лица), может также выступать в функции пространства по отношению к более частным событиям, составляющим его.

В лингвистике получило широкое распространение и непространственная трактовка понятия экзистенциальности. Данный тип экзистенциальности связан, прежде всего, с локализацией во времени: «существовать – занимать точку или отрезок на оси времени».

Взаимосвязь семантических категорий бытия, обладания и пространственной локации подробно изложена в монографии «Категория бытия и обладания в языке». В работе на материале ряда индоевропейских (германские, романские) и неиндоевропейских (меланезийские, африканские) языков рассматриваются данные категории в плане их лингвистического выражения.

Категории бытия и обладания широко представлены в языках мира. Среди форм их выражения видное место занимают лексико-синтаксические средства языка, то есть использование набора лексем в определенных синтаксических моделях. Поэтому важное место в монографии, как отмечают авторы, занимает анализ семантической структуры слов, используемых в определенных синтаксических моделях, и в первую очередь семантической структуры глаголов «быть» и «иметь», являющихся в языках универсальным средством выражения понятий бытия и обладания.

Так, важный вопрос об условиях взаимозаменяемости глагола «иметь» и глагола со значением «обладать» в разных контекстных условиях анализируется на материале романских языков (раздел «Категория бытия и обладания» – Л.И. Лухт), а проблема методов семантического анализа указанных глаголов ставится на материале английского языка («Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций – О.Н. Селиверстова»). В разделе «Глагол существования и связка в древнеирландском языке» А.А. Королев указывает на многообразие функций глагола бытия – от выражения понятия существования до роли связки в составном сказуемом и отражение данного явления в морфологической и синтаксической парадигматике. Выяснение условий лексико-семантических замен глагола бытия и выделение минимальных смысловых единиц, определяющих семантику глагола бытия, и тех лексем, которые могут выступать как полные или частичные заместители глагола «быть», проводится на материале английского языка в разделе «Глагол to be и его лексико-семантические эквиваленты в современном английском языке» (А.М. Кузнецов) [11].

Н.Ю. Шведова классифицирует русские бытийные глаголы, представляющие существование в целом как нестабильное состояние по 10 основным фазам – от предбытия до исчезновения, конца. Это фазы:

1) предбытия (*предстоять*), 2) возникновения (*возникать, начинаться*), 3) становления (*становиться*), 4) осуществления (*осуществляться*), 5) собственно существования (*быть, существовать, наличествовать*), 6) приостановки, затухания, склонения к концу (*приостанавливаться*), 7) перерыва в течении бытия, остановки (*прерываться, пресекаться*), 8) мгновенности бытия (нерасторжимости возникновения и исчезновения) (*мелькнуть*), 9) достижения предела бытия (*доживать до*), 10) исчезновения, конца (*исчезать, кончаться*) [16, 8].

Л.М. Васильев отмечает, что бытийность может быть охарактеризована широко и узко. В широкое понимание бытийности включаются все предикаты с доминирующей семой «быть», противопоставленные акциональным предикатам. Бытийная сущность многих из этих предикатов обусловлена не столько их семантикой, сколько их синтаксическим функционированием.

В узком понимании поле бытийности охватывает только такие предикаты, в значении которых сема «быть» является не только доминирующей, но и ядерной (инвариантной, стержневой для всего поля). Оно включает четыре основных класса слов и фразеологизмов: абстрактно-бытийные, событийные, фазисные и биологического бытия [7, с. 119–123].

Л.М. Васильев отмечает, что предикаты биологического бытия обозначают только один из способов существования (жизнь). Слова *жить, живой* и антоним *мертвый* образуют ядро этого поля. В соответствующую группу инхоативов и ингрессивов, обозначающих становление и начало жизни, входят предикаты *зарождаться, рождаться, появляться на свет* и их каузативные корреляты *рождать, рожать* и др. Переход от жизни к смерти (к биологическому небытию) обозначается предикатами *умирать, лишаться жизни, погибать* и др., а также соответствующими каузативами и автокаузативами: *умертвлять, убивать, лишать жизни, губить, травить, топить; травиться, топиться, вешаться* и др. Возвращение к жизни после смерти обозначают предикаты *воскресать, оживать, восставать из мертвых* и соответствующие каузативы *воскрешать, оживлять* [7, с. 16–19].

Проведя анализ общего понятия бытия со стороны языковой практики, мы можем утверждать, что проблема изучения категории бытия находится в поле зрения многих лингвистов. Язык раскрывается как хранилище потенциального и действительного бытия, многотипно проявляемого в словах и других языковых единицах. Ученые-лингвисты отмечают исключительное семантическое разнообразие бытийных предложений, их полифункциональность, указывают на взаимодействие бытийности с другими типами отношений.

Библиографический список

1. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – Л.: Наука, 1979. – 257 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Бытийные предложения в русском языке / Н.Д. Арутюнова // ИАН СЛЯ. – 1976. – № 3.
3. Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.
4. Арутюнова, Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип. (Структура и значение) / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Шк. «Язык русской культуры», 1999. – 896 с.
6. Булыгина, Т.В. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Вопросы языкознания. – 1981. – № 3.
7. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
8. Васильев, С. Язык, значение и картина мира / С. Васильев // Изв. АН Каз. ССР, серия обществ. Наук. – 1972. – № 4. – С. 47–48.
9. Губин, В.Д. Онтология. Проблемы бытия в современной европейской философии / В.Д. Губин. – М., 1998.
10. Исаченко, А.В. On “have” and “be” languages (a typological scatch) / А.В. Исаченко // Slavic Forum Essays in Linguistics and Literature. – The Hague, 1974.
11. Категория бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – 266 с.
12. Кондратенко, Г.И. Опорные семантические компоненты лексико-семантической группы глаголов со значением бытийности и их синтагматика / Г.И. Кондратенко // Вопросы структуры предложения: сборник научных трудов. – Ульяновск, 1983.
13. Москвина, Р.Р. Экзистенциализм / Р.Р. Москвина // Современный философский словарь. – М., 1996. – С. 587–588.
14. Селиверстова, О.Н. Компонентный анализ многозначных слов / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1975. – 239 с.
15. Селиверстова, О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1990. – 150 с.
16. Шведова, Н.Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты / Н.Ю. Шведова // Слово и грамматические законы языка: Глагол. – М.: Наука, 1989. – С. 5–171.
17. Шведова, Н.Ю. Еще раз о глаголе быть / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 3–12.
18. Allen W. Transitivity and possession. “Language”, 1964, V. 40, № 3, pt. 1.
19. Christie Y.Y. Locative, Possessive and Existential in Swahili. “Foundations of language”, 1970, V. 6, № 2.
20. Clark E.V. Locations. A study of the relations between “existential”, “locative” and “possessive” constructions. “Working papers of language universals”. – Stanford, 1970, № 3.

Наука ЮУрГУ: материалы 68-й научной конференции
Секции социально-гуманитарных наук

21. Kahn Ch.H. The greek verb “to be” and the concept of being. “Foundations of language”, 1966, V. 2, № 3.

[К содержанию](#)